

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза писателей России.

Член Союза журналистов России.

*Работал корреспондентом, заведомом,
редактором в газетах Карелии.*

*В настоящее время —
редактор отдела публицистики журнала «Север».*

Автор книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

**Вениамин
СЛЕПКОВ**

г. Петрозаводск

«...И ОСТАНЕШЬСЯ С МИРОМ ОДИН НА ОДИН»

* * *

Прозрачною тонкой ветровкой
На город наброшен апрель.
И город, сверкая обновкой,
Как на перекатах форель,
Блестит голубыми ручьями
Под небом, что всё голубей.
Доверху наполнен речами
Бормочущих в тон голубей,
Твердящих, что выстоят в схватке,
Когда средь весны-кутерьмы
Из тучи посыплют остатки
Того, что осталось с зимы...
Пернатым своим домочадцам
Наш город поверит, — теперь
Ему предстоит оправляться
От тягостных зимних потерь.
Он вечером снежный стеклярус
Смахнет, как с лица мошкару...
И, тучу приладив как парус,
Ночь тихо дрейфует к утру.

* * *

На весенних ветрах прилетает дурман,
И пространство улиц и площадей
Переходит на зыбкий большой экран —
Растворяя жизни простых людей,

Что живут без начала и без конца —
Нераздельного целого ватный шар...
С клочковатых туч на седых небесах
Усмехается, глядя на мир, клошар,

Он-то знает условность привычной стены,
Он-то видит всю брэнность идей и тем,
Словно в фильмах у мастера новой волны,
Где размыта грань меж этим и тем.

Пляшут в лужах фрагменты застывших высот —
Чёрно-белые кадры дешёвых картин.
Загляни и увидишь мир наоборот,
И останешься с миром один на один.

И страшась ощущения странной вины,
Проникаясь дурманом, сливаясь в одно
Нераздельное целое с дрожью весны,
Пью для храбрости воздух, как пил вино.

* * *

Всё это: жухлая трава,
Лежащая барханным краем,
Остатки дров у стен сарая,
На них намокшая кора...

Всё это: школьное окно —
С тоской глядит пацан на поле
Футбольное... А он всё в школе,
Хотя мечтает о футболе,
Но лужицы на школьном поле
Играть не пустят всё равно...

Всё это: голые кусты,
Их отраженье в речке пенной,
Набухшей синевой, как вена,
Когда эспандер жмёшь в кисти...
Малыш, кидающий снежок
В густую синь текущей ртути —
Вниз-вверх снежок, как на батуте,
Лениво прыгнет лишь разок.
Подарок малыша туда
Река несёт с заботой женской,
Где на глазу воды онежской
Подрагивает веко льда.

Всё это: свечи куполов,
Плывущие в небесной тайне,
И день, пронизанный сияньем
Горящих золотом крестов...

Всё будет нам напоминать
Те ранние часы в субботу,
Когда остатную дремоту,
Проснувшись, не спешишь согнать,
Часы, когда игривый свет
Пробился в комнату сквозь щели
Тяжёлых штор. А ты в постели,
В приятной неге... Спешки нет.
Но кто-то вдруг: «Пора! Вставай!» —
Нам скажет громко не на шутку...

Да, скоро, скоро всем побудку
Сыграет громко юный май, —
Начнёт болтать, как наглый враль,
Как неуёмный пустомеля...
Но будет мне немного жаль
Щемящей нежности апреля.

* * *

Пора завершать бесполезный поход —
Брусничник давно был обчищен,
Ещё до меня. Не хватало забот —
Чесать сапогом корневища,
По лесу шагая под зуд комарья,
И пот утирать рукавами...
Но вывела всё же тропинка моя,
Петлявшая под деревьями,
Как мысли порою свивают круги
В неспешном предутреннем токе,
В просвет безразмерной карельской тайги,
На берег —
В хвоще и осоке
Он здесь утопает, как в лисьем меху,
Играющем в отсветах лампы.
А в центре — открытое, как на духу,
Блестящее блюдечко ламбы.
И угольным блеском слепит сулея
От дна торфяного настила —
Писали алхимики — в чёрных камнях
Таится нездешняя сила, —
И, чувствуя силу, влекущую к ней, —
Застывшей таинственной глуби, —
Держусь за удилища тонких ветвей,
И страшно — притянет, загубит...
Три шага назад, привалился спиной
К трухлявой сосновый колоде,
Смотрю, как пакует вокруг желтизной
По знаемой летней методе
Палящего солнца полуденный диск
Окрестности, словно подарок.
Теперь-то и ламбины глаз-василиск
Не страшен, хоть чёрен и ярок.
И вот, улыбаясь, что был так пуглив,
Сижусь я, покоем исполнен...
По ивовым веткам стекает в залив
Медовый расплавленный полдень.